

Евгений Рахмикулов

Мотылек

Евгений Рахимкулов

Мотылёк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19207604

ISBN 9785447495589

Аннотация

«Мотылек» – это полная тонких наблюдений и узнаваемых деталей удивительно обаятельная повесть о любви, о поисках истины, о творчестве, о мудрости и безумии. Грусть и юмор, поэтичность и шокирующий физиологизм органично уживаются здесь друг с другом. Это повесть о смерти, утверждающая жизнь – постольку, поскольку есть Слово.

Мотылёк

Евгений Рахимкулов

*Все персонажи, события и географические названия в этой повести – плод фантазии автора.
Любое сходство – случайное совпадение.*

© Евгений Рахимкулов, 2016

© Анастасия Рахимкулова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Длинный коридор, полумрак. Затёртый паркет под ногами, высокий потолок, обшарпанные стены непонятного цвета – то ли темно-зелёного, то ли бурого. На потолке – лампы дневного света, большинство из которых работают по принципу «то потухнет, то погаснет». В конце коридора две двери. Красной краской на них выведены буквы «М» и «Ж».

Дверь с буквой «М» открылась и из неё вышла невысокая рыжеволосая женщина постпенсионного возраста. Ничего странного, это всего лишь уборщица. В мужских туалетах тоже убираются женщины.

Уборщицу зовут тётя Дуся. У неё некрасивое морщинистое лицо, приплюснутый нос и короткие кривые ноги; дома на диване, а может, и возле дивана, валяется муж-алкаш, в холодильнике нет ничего, кроме наполовину пустой бутылки подсолнечного масла, пакета молока, пачки творога и над-

кушенной палки ливерной колбасы. Обычная, ничем не примечательная человеческая судьба. Таких, как тётя Дуся, миллионы. Эти люди не становятся героями романов. Писать о них сложно, а читать скучно и неинтересно. Герои романов должны быть красивыми и благородными, и обязательно должны совершать героические поступки. А много ли нагройствуешь со шваброй в руках?

Из двери с буквой «Ж» вышла девушка – высокая стройная, красивая. Тётя Дуся с завистью поглядела на неё. Да, тётя Дуся завистлива. Но стоит ли винить её в этом? Зависть свойственна каждому человеку. Все чему-то завидуют. Старость завидует молодости, бедность – богатству, слабость – силе, бездарность – таланту. Тётя Дуся не сумела распорядиться своей судьбой. Она не видела ничего, кроме нищеты и грязи, жизнь её пролетела впустую, и теперь в пятьдесят восемь лет она завидует молоденьким девушкам, у которых все ещё впереди.

Девушка села на подоконник и стала есть сушёные бананы. Где-то играл рояль. Приятный молодой голос пел на французском что-то печальное. Как хорошо, когда не понимаешь слов песни. Смысл песен обычно банален, а звучание их так мелодично, чарующе. Под красивую и непонятную песню легко мечтается, грустится, и на время забываются все проблемы.

А проблем – их всегда хватает, особенно в молодости. Тот, кто сказал, что юность беззаботна, наверное, родился уже

стариком. В девятнадцать лет многие пустяки кажутся очень важными: несданный зачёт по психологии, пятнышко грязи на сапоге, забытая дома расчёска, последние одиннадцать рублей в кошельке.

Бананы быстро закончились. Съев последний, девушка хотела бросить пустую упаковку на подоконник, но, поймав на себе хищный взгляд тёти Дуси, убрала в сумочку – с уборщицами лучше не связываться.

Неподалёку послышался знакомый весёлый голос, а через полминуты из соседнего коридора появился его обладатель – Сверчок. Девушка соскочила с подоконника и радостно бросилась ему навстречу.

– Ба, Вика! – воскликнул он и заключил её в свои объятия.

* * *

Доцента Владислава Ивановича Пёрышкина студенты прозвали Сверчком за то, что он был маленьким, щуплым, шустрым и никогда не умолкающим. Он мог болтать о чём угодно: о театре, о чае, о коммунистах, об искусстве, о газетах, о коньяке, о литературе, о налогах, о любимой кошке, о произволе властей, о шахматах, о любви, о тараканьих бегах, о ценах на бензин, о выборах нового ректора и ещё о многом другом. В общем, он жил по принципу: был бы собеседник, а разговор приложится.

Пёрышкин работал на кафедре узкого языка. Язык-то, ко-

нечно, был французским, но лишь до тех пор, пока с таблички над дверью не отвалилась буква «Ф». Тётя Дуся не заметила её и смела с остальным мусором. Новую букву никто не стал приклеивать. Все решили: и так ясно, о каком языке идёт речь, подумаешь, одной буквы не хватает. Через год отвалилась буква «С», потом «Р», «А», «Н», «Ц». Так французский язык превратился в узкий.

Пёрышкину было уже за шестьдесят, но вёл он себя, как мальчишка. Шутил при любом поводе и без повода, запросто мог после занятий погонять мяч со студентами или рассказать неприличный анекдот во время заседания кафедры.

Коллеги его либо презирали, либо обожали. Презирали те, которые из-за учёной спеси и гуманоидных очков давно уже разучились видеть мир в красках, а обожали те, кто не утратил лёгкого, непосредственного восприятия жизни. Такое восприятие обычно свойственно детям. С возрастом многие теряют его, навешивая на себя гири в виде всяких принципов, семейных проблем, образования, денег, работы, гордости.

Для студентов Пёрышкин был «прикольным чуваком» и «лучшим преподам факультета». Правда, на экзаменах он валил народ только так, и нередко во время сессии в коридоре можно было услышать крепкие ругательства в его адрес, но все обиды быстро забывались, и всё остальное время, кроме экзаменационной поры, студенты отзывались о нём как о замечательном человеке.

Пёрышкин был актёром, не только в жизни, но и на сцене. В молодости он работал в драмтеатре. Исколесил с гастролями полстраны, пару раз выезжал во Францию. Теперь же на старости лет руководил университетским театральным кружком – учил студентов основам актёрского мастерства. За кружок Пёрышкину ничего не доплачивали, но он не жаловался. Семьи у него не было, а торчать вечерами дома одному было скучно. Поэтому со студентами он возился в своё удовольствие.

В прошлом году Вика занималась в кружке. Для неё это было самое светлое время. Но судьба обрушила на голову валуны неприятностей. Погиб отец. Неожиданная и нелепая смерть. У них на заводе была сауна, и всякий раз те, кто дежурил в ночную смену, парились в ней. Вот и её папа решил сходить в баньку. Только выйти из неё уже не смог – дверь заклинило. Долго он по ней колотил, кричал, но всё впустую – никого в ту ночь поблизости не было. Достали его на следующий день. Труп был усохший и сморщенный. Когда хоронили, Вика бросила последний взгляд на лежавшую в гробу мумию и заплакала. Ей не верилось, что вот это – всё, что осталось от отца. Казалось, он на самом деле где-то в другом месте. Спрятался, уехал... А они здесь хоронят вот эту куклу. словно бы не по-настоящему, словно бы спектакль разыгрывают. Но сценой в этот раз была сама жизнь.

Вскоре тяжело заболела мама. В больницах она теперь проводила больше времени, чем дома. Денег не хватало,

и Вике пришлось искать работу. Возникли сложности с учёбой. Театр стал непозволительной роскошью.

Но прошло несколько месяцев, и жизнь помаленьку утряслась. Не то чтобы чёрная полоска сменилась белой, просто Вика ко всему привыкла, приспособилась, и ей казалось, что чёрная полоса начинает понемногу светлеть, превращаясь постепенно в серую. Это как с глазами бывает: заходишь в тёмную комнату и поначалу ничего не видишь, словно поражён мраком. Но через минуту-другую начинаешь различать смутные очертания предметов, в которых угадываются диван, кресло, книжный шкаф в углу и ещё что-то странное, грушеобразное на подоконнике. Графин? Нет, не похоже. Настольная лампа? Конечно же! Вот и шнур от неё какой-то тянется. Вдруг лампа начинает шевелиться, шнур извивается, как змея. Жуть, морозец по коже. Лампа сжимается и прыгает на стол. Негромкое «мя-яу...», и чёрная мгла вокруг окончательно сменяется серым полумраком.

Викю тянуло назад, в театр – к Пёрышкину, к друзьям. Вспоминались зимние вечера в тёплой компании за чашкой чая, весёлые репетиции, на которых всегда что-нибудь случалось, их первая пьеса о выборах главврача в психиатрической больнице. Вика играла в ней старую жирную санитарку. Пёрышкин был недоволен.

– Ну как ты ходишь, – возмущался он, – порхаешь по сцене, словно бабочка! Так нельзя. Разве старые санитарки так ходят! Ты сейчас не девчонка-студентка, а бабища пятиде-

сяти пяти лет отроду и полтора центнера весом. Смотри, как надо!

Владислав Иванович растопырил ноги, выпятил живот и надулся. Грузно переваливаясь с боку на бок и покачивая бёдрами, он медленно прошёлся по сцене. Получилось весьма эффектно, и хотя Пёрышкин сам был щуплым, казалось, что в этот момент он действительно весит полтора центнера.

– Главное – убедить зрителя, – сказал Пёрышкин и, приподняв руками воображаемые массивные груди, двинул в бок Айдара, изображавшего больного, помешательство которого сводилось к тому, что он считал себя Робинзоном Крузо.

Айдар, поддерживая игру Пёрышкина, отлетел в сторону на несколько метров и шмякнулся на пол. Приподнявшись на локте, поправил накладную бороду, выразительно кашлянул, взмахнул дырявым зонтиком и визгливо закричал.

– Я – Пятница! Депутат от сто восьмого необитаемого острова! Выдвинут Робинзоном Крузо единогласно!

Последовал дружный взрыв смеха. С тех пор за Айдаром закрепилось прозвище Пятница, но он на него не обижался.

Ходить, как санитарка, Вика не научилась, так и порхала во время спектакля. Но зритель остался доволен. Это была комедия, и действие её происходило в таком специфическом лечебном заведении, что порхающую санитарку все сочли режиссёрской хохмой.

* * *

Вика с трудом высвободилась из объятий Пёрышкина. К тому, что он любит обнимать при встрече знакомых, особенно знакомых женского пола, она привыкла ещё в прошлом году. А поначалу дичилась.

– Вы же раздавите меня, Владислав Иванович!

– Ничего-ничего, от этого ещё никто не умирал. А я смотрю – солнышко-то совсем по-весеннему светит. Ну, думаю, скоро к нам птицы с юга полетят. Вот ты и прилетела – первая ласточка. Прилетела-то как, насовсем или в гости на часок?

– Насовсем.

– Вернулась, значит. Это правильно. С театром связаться – хуже алкоголя. Всю жизнь тянуть будет. Какую тропинку не выберешь, все равно к нему вернёшься, – Пёрышкин подмигнул ей. – Пойдём на кафедру. Сейчас чай вскипятим. Скоро ребята подтянутся. Все вместе твоё возвращение и отметим.

* * *

Хорошо сидеть в тепле и пить горячий чай с печеньем. Вдвойне приятнее от этого становится, когда знаешь, что

на улице сейчас снег и ветер. В конце февраля днём нередко бывает солнечная погода, с крыш капает, почти как в апреле, но вечером все равно неуютно – темно, холодно.

Владислав Иванович достал из старенького сейфа бутылку коньяка.

– Это мне для сугрева, – сказал он, наливая коньяк в чай. – Тебе плеснуть малость?

Вика замотала головой.

– Нет, не надо мне вашей дряни.

– Какая же это дрянь! Обижаетесь. Благородный напиток! Ну, было бы предложено. Ты тогда ешь побольше. Вот тут ещё мёд есть и шоколад.

– А зачем вы коньяк в сейф прячете?

– Так от вашего брата! От студентов! Они здесь только так шастают. Я однажды на столе оставил и в туалет вышел. Возвращаюсь – пусто. Всё до капли высосали, сволочи!

Пёрышкин заботливо протёр бутылку тряпкой и убрал обратно в сейф.

Вика откинулась на спинку стула и глубоко вздохнула. «Ну, вот и вернулась!» Отчего-то ей приятно было слушать эту старую и хорошо знакомую песенку Сверчка. Будто после долгого отсутствия вернулась в родной дом и услышала, как на кухне за печкой стрекочет настоящий сверчок. В прошлом году Пёрышкин часто жаловался ей на студентов, которые таскают у него коньяк. Но Вика знала, что это неправда, и что бутылку Пёрышкин на самом деле прячет от за-

ведущей кафедрой Сании Фаритовны, которая знает, что Владислав Иванович поддаёт на работе, но делает вид, будто не замечает этого. Ключи от сейфа есть и у неё, и нередко, когда никто не видит, она сама пользуется бутылкой Пёрышкина, а тот в свою очередь об этом знает, но тоже делает вид, что ничего не замечает. Эту игру немолодых уже людей в вижу – не вижу Вика считала глупой и смешной забавой.

Пёрышкин подошёл к столу и щёлкнул пальцем по корявому дистрофичному кактусу.

– Любимый цветочек Сании Фаритовны. Вот это её ухо... Щёлк! Вот это лоб... Щёлк! А вот это нос... Щёлк, щёлк, щёлк!

Вика улыбнулась. Кактус тоже был в какой-то степени старым знакомым. Сания Фаритовна возилась с этим заморышем, точно с ребёнком. И студенты, и преподаватели посмеивались над её причудой. Однажды тётя Дуся вытирала стол и случайно задела кактус. Сания Фаритовна на неё кошкой набросилась. Крик поднялся, как в обезьяньей клетке. Уборщица потом громко высказывала своё возмущение в коридоре: «Что за идиотка! Молится на какую-то вонючую колючку, словно на икону. Она бы ещё охранника рядом поставила».

Пёрышкин любил издеваться над кактусом – тыкал ручкой, выдёргивал иголки и поливал коньяком, приговаривая: «Пей, маленький, это тебя утешит. Может, и подрастёшь, распрямишься немного, а то смотреть тошно – сморчок ка-

кой-то». Но кактус не рос. Наверное, коньяк был некачественный.

Да, всё здесь осталось по-прежнему: и Пёрышкин, и коньяк в сейфе, и кактус, и старенький компьютер возле окна, и строго смотрящие со стены портреты французских классиков... Вика поёрзала на стуле... Ну да, и та самая противная пружинка, которая впивается в мягкое место, едва повернёшься – стул так и не отремонтировали. Да и вообще, пора бы сюда новую мебель закупить. А впрочем, что должно было измениться? Прошло-то не так уж и много времени – меньше года.

Пёрышкин, засунув руки в карманы, расхаживал по комнате. Время от времени он брал со стола чашку, делал несколько глотков, и вновь продолжал своё движение от стола к двери, от двери к шкафу, от шкафа к окну. Иногда он что-то еле слышно бормотал и почёсывал затылок.

Вика с улыбкой наблюдала за ним.

– Вы бы сели, Владислав Иванович.

Пёрышкин вскинул голову.

– А? Что? – рассеянно переспросил он. – Не обращай внимания. Ты же знаешь, у меня привычка совмещать работу мозгов и ног. Не могу сидеть на месте, когда о чём-то думаю. Эх, какой же я все-таки неисправимый эгоист! – он хлопнул себя по лбу. – Опять увлёкся своими дурацкими мыслями, а о том, как у тебя дела, даже не поинтересовался. Ну, рассказывай! Как мама?

Вика вздохнула и опустила глаза.

– Понял. На больную мозоль наступил. А ты не таи горе в себе, излей душу – легче будет. Лучше ей хоть?

– Сейчас уже да.

– Дома? В больнице?

– Дома, даже работать пытается.

– Ты-то сама работаешь?

Вика кивнула.

– А где, если не секрет?

– В казино.

– Серьёзно? Как тебя туда занесло? Народ обжуливает?

– Ага, шулер я, Владислав Иванович!

– Не обижайся, я ж так, шутя. Платят-то тебе хоть нормально?

– А, так... – Вика поморщилась и махнула рукой.

– Ну, тысяч десять-то уж дают, наверное.

– Если бы...

– Что? Меньше? Так это эксплуататорство получается!

Наживаются на студентах!

Пёрышкин задумчиво почесал подбородок и пару раз прошёлся от окна до двери. Потом остановился перед портретом Ромена Роллана, прищурившись, посмотрел на него и негромко пропел: «Очарованная душа... За душой у души ни гроша...» Обернулся к Вике и продолжил прерванный разговор.

– Живёшь с мамой сейчас?

– По-разному. Когда у неё, когда у себя. В декабре дедушка умер. Теперь я в его квартире.

– Так вы бы сдавали лучше. Деньги-то не лишние.

– А мы и собираемся сдавать, просто пока ещё жильцы не подыскались, а мне оттуда и на учёбу, и на работу ездить ближе. Да и самостоятельности уже охота.

– Ясненько... Надо будет тёте Дусе сказать, пусть пыль с портретов вытрет, а то что-то наши мастера пера совсем невзрачно выглядят.

Дверь слегка приоткрылась – кто-то заглядывал в щёлку.

– Кто там хулиганит? – грозно крикнул Владислав Иванович.

На кафедру ввалился Булатус – без шапки, весь мокрый. Скинул рюкзачок на стол.

Пёрышкин погрозил ему кулаком.

– Ты чего, злыдень, шпионишь за нами? Не заходишь, как неродной, а?

– Я смотрю, нет ли Сании Фаритовны. Мы с Андрюхой сегодня занятие у неё пропустили – на соревнованиях по шахматам были. Так ведь ей не втолкуешь. Увидит – разорётся, как попугай. О, Вика! Привет, дай пять!

– А десять не хочешь? Обнял бы лучше – сколько не виделись.

– Да пожалуйста!

Владислав Иванович скорчил обиженную физиономию.

– Ну, да! С молодым сама обниматься лезет, а со мной,

со стариком, не больно-то: «Отпустите! Раздавите!» – передразнил он недавние слова Вики.

Пёрышкин ткнул Булатуса под ребра.

– И чего в нем обнимать? Кости одни!

Булатусу и в самом деле далеко было до ожирения – тощий, узкоплечий, с длинными руками и вытянутым лицом. Зато высокий, под два метра. В театре такие часто нужны бывают. А когда Булатусу требовалось ещё и объем придать, ему под одежду тряпки запихивали, «накачивали» маленько. Владислав Иванович, любивший поиграть со словами, ещё в прошлом году прикрепил к его имени латинское окончание. Так Булат превратился в Булатуса. Вот и сейчас Пёрышкин сказал.

– Ты, Булатус, причесался бы хоть, а то на голове у тебя метла Бабы Яги.

Булатус небрежно пригладил волосы.

– Ветер сильный и снег мокрый, вот и растрепало.

– Шапку надо было надевать. Выпендриваешься все. Вот грипп подцепишь, тогда посмотрим, как ты дома перед градусником выпендриваться будешь.

– Не каркайте.

Вошёл Айдар.

– Мир вам, Китоврасы театральные!

– Здорово, Пятница! Ты чего обзываешься?

– Вот и видно, Булатус, что ты в мифах ни бельмеса. Китоврас – это тот же Мерлин. Так что, считайте, я к вам, на-

оборот, с почтением обратился.

– Сказочки все читаешь. Ты бы, рыцарь полуфабрикатный, с таким же почтением перед Викою колено преклонил да ручку ей поцеловал. Она вернулась, а ты даже не поздоровался.

– Я ж со всеми поздоровался. Привет, Вик, ещё раз. Похоже, наш Булатус сегодня лягушку проглотил – вон как расквакался.

– А в глаз от лягушки не хочешь?

– А здоровья-то у неё хватит?

– Так, мужики! Хорош зубоскалить! – Пёрышкин встал между ними и положил ладонь Айдару на плечо. – Дуйте в магазин. Учить не надо. Торт, печенье, мармелад там какой-нибудь и прочее. Словом, полный набор к чаю. На месте разберётесь. Вот деньги. Не хватит – добавьте маленько.

* * *

Репетицию по случаю Викиного возвращения отменили. Их обычно вообще отменяли под любым благовидным предлогом или сокращали до минимума и усаживались пить чай. «Нормально, – говорил в таких случаях Пёрышкин. – Нам ведь главное – душевное общение». Зато потом, когда до спектакля оставалась пара недель, работали день и ночь. О чае уже никто и не заикался. Все понимали: потехе время, но и делу свой час тоже нужно выделить. И всякий раз успе-

вали подготовить спектакль к назначенному сроку. Нередко бывало так, что за несколько дней до представления казалось: «Не успеем, провалимся!». И всегда успевали.

Вику чествовали чуть ли не как именинницу. Ей это даже надоело. Просто, наверное, потому, что долго не была среди друзей, отвыкла от беззаботного веселья, от острот Пёрышкина. Говорят, много радости за раз не переваривается. Вот и Вика к концу вечера улыбаться перестала. Владислав Иванович хлопнул её по спине.

– Ты чего, хмурная сидишь? Как будто недовольна чем.

– Всем я довольна. Так, взгрустнулось слегка.

– Это непорядок. Сейчас мы тебя развеселим. Андрюха, выдай-ка нам чего-нибудь а-ля франсе!

Андрей Мастицкий растянул аккордеон, лихо пробежал пальцами по клавишам, запел бойко, задорно. Вика не понимала смысла слов, но слушать было приятно. «А ведь это он пел, когда я в коридоре сидела, – подумала она. – А я и не узнала даже. Голос у него сильно меняется, когда с минора на мажор переходит».

Вика глотнула чай, посмотрела на Андрея. Красиво поёт! И сам красивый. Хотя, чего в нем особенного? Нос кривой, щетина на подбородке жиденькая торчит. Но для Вики здесь все красивые. Потому что свои, почти родные. Вот Наташка Замрикова, с которой они на истфаке с разницей в курс учатся, маленькая, шустрая, под мальчика стрижена, платье сроду не наденет. Все её в шутку «братан Натан» называют.

Вот Юрик с химического, прыщавый, лопоухий, смешной, а все равно милый, потому что свой.

Сидели почти до одиннадцати. Инфак отдельным корпусом на отшибе стоит. Охраны здесь нет, одна лишь бабка-вахтёрша. Но она ничего не скажет, можно хоть всю ночь гужбанить. Однако пора и честь знать. Прибрали за собой, оделись. Когда Пёрышкин складывал бумаги в свой старенький дипломат, Вика заметила, что у него там лежат кошачьи консервы.

– А вы, Владислав Иванович, никак на диетическое питание перешли?

Пёрышкин улыбнулся.

– Да вот, врачи прописали... Кошку я завёл, уж полгода как. Уродина она у меня: жёлтая, глаза узкие, хвост короткий. Хакамадой назвал. Скучно мне одному, тоскливо.

На остановку шли все вместе, весело болтая. Знакомая дорога. А вон и здание знакомое. Сколько раз мимо него проходили – большое красивое, со стеклянной крышей, с узорчатым орнаментом по фасаду, с высоким забором. Вывески никакой нет, но весь город знает, что здесь обитает сын местного губернатора. Земля слухами полнится. У ворот круглые сутки дежурят девять человек охраны. Вика раньше поражалась: «И чего они здесь, снаружи, охраняют? Улицу что ли?» Как-то заговорила об этом с Пёрышкиным. «Как, чего? – сказал он. – Забор. Смотри, какой чистенький! Чуть ли не каждую неделю подбеливают. Не дай-то бог какой-нибудь

тинэйджер с баллончиком краски подкрадётся! Вот и па-сут».

Возле остановки был ресторан украинской кухни. Над дверью надрывались колонки, привлекая прохожих весёлой музыкой. Перед входом выставили огромную собачью будку с надписью «Осторожно, злючий пёс!» На массивной цепи возле будки валялась большая кость из белого пластика – видимо, всё, что голодные посетители оставили от злючего пса. На стене висела доска меню, предлагавшая среди горилки, голубцов, пельменей и прочих разносолов какие-то юшки. Айдар, страдавший хроническим любопытством, всякий раз, когда подходили к остановке, говорил: «Ну что же это за юшки такие? Хотел бы я знать, из свинины их делают, или из баранины. А может, вообще не мясные? Вот чуть разживусь деньгами, обязательно приду сюда и потребую: „Подавайте мне юшки!“ И пусть мне хоть паука жареного принесут, все равно съем. Потом буду перед вами хвастаться, что юшки пробовал». Но помимо хронического любопытства, Айдар страдал ещё и хроническим безденежьем, и потому о юшках ему пока оставалось лишь мечтать.

Вике и Пёрышкину было по пути, они поехали в одном автобусе. Она уютно устроилась возле окна, Владислав Иванович сел рядом. Он по своему обыкновению беспрерывно болтал, но Вика его почти не слушала и лишь иногда, когда Пёрышкин о чём-то спрашивал, кивала. За окном проплывали огни ночного города: витрины магазинов, светофоры,

фонари, неоновая реклама, автомобильные фары. Всё это выглядело привычно, банально и вместе с тем таинственно, красиво. Вика прищурила глаза и задумалась. Очнулась она, лишь когда Пёрышкин хлопнул её по плечу.

– Ага, попалась! Так и знал – не слушаешь!

– Нет, что вы!

– Ну, о чем я сейчас говорил? Вот, то-то же! Ладно-ладно, помечтай немного. Мечтать тоже полезно, особенно в твоём возрасте. О чем мечтала? О высоком? Красивом? С хорошей эрекцией?

– Владислав Иванович! – Вика притворно замахнулась на Пёрышкина.

– Ой, всё, всё, молчу! А то убьёшь ещё, – Пёрышкин, смеясь, прикрылся дипломатом. – У меня от таких, как ты, непробиваемая защита – мой чумадан, бронированный, кстати. Видишь здесь отметину? Это моя вторая утюгом прошлась. Метила в мою физиономию, а я ей как чумадан подставляю – утюг отскочил и в форточку вылетел. Прямо дворнику на голову свалился. Его тут же на Северное кладбище и отправили... На тракторе, вместе с мусором.

– Какая ещё вторая? Вы ни разу женаты-то не были.

– Да разве ж я тебе врать буду! И почему вы, женщины, никогда ничему не верите? На той неделе у нас на кафедре тоже разговор зашёл. Я Сание Фаритовне сказал, что два раза женат был, так она меня на смех подняла. «Не врите, – говорит, – Владислав Иванович, быть этого не может, иначе

я давно бы уже узнала». Я ей, дуре, втолковываю: «Да почему вы считаете, что обязательно бы узнали? Я ведь не всю жизнь в университете работал. Раньше и на заводе приходилось, и в театре, и в Москве переводчиком». Нет, упёрлась на своём. Башкой крутит, смеётся и твердит: не может такого быть и все тут. И что вы, женщины, за народ, – Пёрышкин покачал головой. – Ну, вот ты, например, почему ты мне не веришь? Ведь тебе не известно, что со мной раньше было.

– Владислав Иванович, дело не в том, известно мне что-то о вашем прошлом или нет, просто, понимаете, такой человек, как вы, не может жениться.

– Здравсьте, приехали! Чем это я хуже других? Неполноценен, по-твоему, что ли?

Вика засмеялась.

– Нет, просто вы такой...

– Какой?

– Станный немного.

– Ну, вот, уже ненормальным обзывают.

– Владислав Иванович, я не это имела в виду!

– Ладно, верю, – он похлопал Вику по плечу. – Ты не обижайся, я же шучу. Актёр всегда должен уметь шутить. Плакать хочется, на душе кошки скребут, а ты шути.

– Я так не могу.

– Учись, учись, Вика, – сказал Пёрышкин уже серьёзно, – в жизни это нередко помогает.

Пёрышкин вдруг спохватился.

– Эх, заболтался я с тобой, чуть свою остановку не прозевал. Счастливо тебе добраться! В пятницу увидимся! – он торопливо начал протискиваться к выходу.

Уже в дверях на подножке Пёрышкин обернулся и махнул на прощание рукой.

Вика улыбнулась, вздохнула и подумала о том, какой это всё-таки жизнерадостный и добрый человек.

На место, освободившееся после Пёрышкина, плюхнулся здоровенный парень в короткой кожаной куртке и спортивных штанах.

«Из кожаных», – подумала Вика. Она почему-то терпеть не могла кожаные куртки.

От парня неприятно разило перегаром. Лицо его было упитанное, красное и небритое. Он держал бутылку с пивом, из которой время от времени смачно прихлёбывал. Кожаный неприлично широко раздвинул ноги и навалился плечом на Вику. Девушка поморщилась и отвернулась к окну. Кожаный, заметив это, ухмыльнулся.

– Докуда едешь? – нахально ощупав Вику взглядом, спросил он.

Вика не стала отвечать.

– Чё молчим-то? – не унимался Кожаный.

Вика вновь проигнорировала его.

К счастью, ехать оставалось всего две остановки. Когда Вика собралась выходить, Кожаный специально развалился так, чтобы ей было неудобно вылезать. Вика не долго думая,

наступила ему на ногу. Он прошипел что-то вроде «а ссу...», но Вика даже не обернулась.

Несколько секунд Кожаный ещё сидел, глядя ей вслед, а потом рванул за ней к выходу.

От остановки Вика почти сразу же свернула на боковую улицу. В пятидесяти метрах от проспекта здесь уже было мрачно. Такое часто можно наблюдать в российских городах. На главных улицах почти всю ночь царит оживление, сверкают яркие огни, а чуть в стороне начинаются тёмные закоулки, безжизненные серые хрущёвки и редкие фонари, которые обычно не горят.

Вика никогда не боялась ходить здесь одна. Наверное, всё дело в привычке. Родная улица всегда кажется безопасной, и даже кучки хулиганов, шатающиеся по ней, выглядят безобидными, почти своими. Поэтому Вика и не обратила внимания на чьи-то торопливые шаги за спиной. Обернулась она, лишь когда услышала возле самого уха: «Тормозни-ка, красавица! Мы не договорили!» Девушка вздрогнула. Голос казался знакомым. Она медленно подняла глаза. Перед ней, противно улыбаясь, стоял Кожаный. Вика испуганно бросила взгляд по сторонам, но людей поблизости не было.

* * *

Игоря Улитина в детстве дразнили Улиткой. Не повезло с фамилией – с кем не бывает. Это ещё что! По соседству

с ним жил мальчик, у которого фамилия вообще была Клизмин. А одной из одноклассниц Игоря досталась фамилия Попова. Очень даже приличная фамилия. Вот только ударение, которое полагалось делать на второй слог, одноклассники почему-то предпочитали переносить на первый. Так что Улитка – это ещё не самое страшное. На такое прозвище можно и не обижаться.

А внешне Игорь и в самом деле чем-то напоминал улитку: маленький, щупленький, очень медлительный, с длинными, торчащими, словно улиточные рожки, ресницами.

В восьмом классе Вовка Кочкин, здоровяк, на полголовы переросший физрука, в шутку схватил Игоря за грудки и приподнял над полом. Игорь испуганно заморгал глазами. Кочкин отпустил его и снисходительно похлопал по плечу.

– Не бойсь, Улитка! Не трону! Хилый ты какой-то. Качаться надо. Идёшь домой из школы – и портфель на бицепс поднимай: раз-два, раз-два. Так и накачаешься, через год как я будешь.

– Ну и что! Подумаешь, хилый! – крикнул Павка Гималаев. – Зато профессором будет. У него за год всего одна четвёрка, и та по физре. А тебе, Кочка, метлу в зубы и вперёд – дорожки возле школы подметать или сортиры чистить. На большее не годишься. Слыхали, что он сегодня на литре выдал? Александр Сергеевич Пушкин в детстве очень любил читать Толстого и Достоевского.

Все вокруг весело загоготали. Кочкин двинулся на Павку.

– Ты чё, Гималай! Смусмумрик недоразвитый! Ты на кого мурло разинул! Жить надоело?

Гималаев поспешно отскочил в сторону. Кочкин запустил в него портфель.

– Получи, фашист, гранату от советского солдата!

Павка ловко пригнулся. Портфель просвистел над его головой и угодил в окно. Осколки брызнули, как лёд под ударом лома. На несколько секунд все притихли. Кочкин тупо уставился на разбитое стекло. Кто-то негромко сказал: «Ну, все, пацаны, хана!» Кочкин вздрогнул и глянул по сторонам. Потом злобно посмотрел на Павку, сжал руку в кулак так, что костяшки пальцев побелели, и процедил.

– Меня, вообще-то, батя автослесарем устроит.

В противоположном конце коридора показалась завуч по воспитательной работе. Павка бросился к ней с радостным криком.

– Галина Петровна! Вовка Кочкин окно разбил!

Игорь вздохнул и отошёл в сторону. Учился он действительно лучше других, но становиться профессором ему совсем не хотелось. У Игоря была другая мечта – он хотел стать писателем.

Читать Игорь научился рано. В четыре года уже «Винни-Пуха» одолел, потом за «Незнайку» и за «Волшебника Изумрудного города» принялся. А к тому времени, когда его сверстники впервые прочли по складам «Ма-ша лю-бит кашу», он уже упивался романами Жюль Верна и Купера.

И вот годам этак к десяти в недрах детского сознания родилась дерзкая мысль: «А не попробовать ли и самому?» Игорь решил не мелочиться и взялся сразу за роман. Роман назывался «Среди диких просторов» и начинался примерно так: «На высоком берегу Святого озера под сенью величественных деревьев стоял английский форт, в котором было триста солдат и сорок пушек. Фортом командовал майор Уильям-Генри. Леса вокруг населяли индейцы злобного племени Марикунча. Однажды в форт приехал отважный охотник по прозвищу Длинный ствол...»

Первая часть романа писалась целый месяц. За это время было израсходовано целых две школьных тетради. И вдруг к тому моменту, когда Игорь дошёл до описания захватывающей схватки Длинного ствола с целым полчищем свирепых дикарей, он обнаружил, что в своём романе пересказывает куперовского «Следопыта». Обидно было до слёз. Тогда в голове Игоря впервые мелькнула догадка о том, что писать, оказывается, не так просто, как это кажется. А ещё он понял, как горько и больно было Остапу Бендеру, который, проснувшись утром, получил сокрушительный удар от классика, написавшего строки о гении чистой красоты раньше, чем он сам.

Первая неудача заметно охладила пыл юного писателя. Целых три года Игорь не брался за перо. В тринадцать лет он влюбился. И вот вновь полились, но теперь уже не романы, а стихи. Чудный вечер под луной, Ты, да я, да мы

с тобой... И дальше в том же духе. Удивительное это состояние – влюблённость. Многих она вдохновляет на великие творения. Игоря влюблённость вдохновила аж на три тетрадки стихов. Только вот та, которой эти стихи были адресованы, о мучениях поэта не подозревала и вскоре стала возвращаться из школы под ручку с Павкой Гималаевым. Для Игоря это был смертельный удар. Когда он увидел, как она мило склоняет голову Павке на плечо, то с трудом сдержал слёзы.

В тот вечер Игорь впервые попробовал водку. Он пошёл выносить мусор и встретил Вадика из соседнего двора. С ним Игорь поделился своим горем. Вадик посоветовал всё это хорошенько залить. Вместе с компанией ребят постарше они сидели возле гаражей, «бухали» и жгли на костре мусорное ведро Игоря. Пацаны посмеивались над тем, как Игорь неумело прихлёбывает из грязного гранёного стакана. А Игоря развезло. Он читал стихи и жаловался на женское вероломство. Ребята слушали его с сочувствием и обещали избить Павку.

Домой Игорь вернулся уже после полуночи. Родители к тому времени с ног сбились – все окрестности избегали и даже в милицию заявили. Отец был зол и основательно надрал Игорю уши – и за ведро, и за пьянку.

Всю ночь Игорь пролежал, уткнувшись носом в солёную подушку и тихонько всхлипывая. В голове гудело, перед глазами проплывали странные видения. Уже под утро у него родились гениальные строки. Он вскочил с кровати, нащупал

на столе блокнот и карандаш, и возле окна при бледном свете луны записал: «Я вас любил, любовь моя, возможно, Угасла в сердце не совсем ещё...»

На следующий день его стало мучить нехорошее подозрение. Он взял томик Пушкина, нашёл нужную страницу, прочитал и горько заплакал. С тех пор он дал себе обещание никогда больше стихов не писать и по возможности не влюбляться.

К семнадцати годам Игорь изменился. Он остался таким же тощим и с такими же длинными ресницами, но заметно вытянулся, и лицо его стало серьёзным. Теперь уже никто не дразнил его Улиткой. Листая иногда тетради со своими первыми писательскими опытами, Игорь не мог сдержать улыбки: эх, каким же наивным он когда-то был!

Ничего нового с тех пор Игорь не написал, но читал много. Классиков – и отечественных, и зарубежных – знал чуть ли не наизусть.

Неудивительно, что любовь к литературе привела его на филфак. Учился Игорь легко, экзамены левой ногой сдавал. Только вот с общением было туговато. Женский коллектив – свои интересы. Ребята в небольшом количестве на филфаке встречались, но либо учёные зазнайки, либо полные балбесы, которые больше никуда приткнуться не смогли, а от армии увильнуть хотели – вот и пошли туда, где мужскому полу при поступлении приоритет отдавался. В общем, друзей Игорь на факультете не нашёл.

Когда он оканчивал первый курс, Москва объявила конкурс эссе на свободную тему среди школьников и студентов. Игорь решил потряхнуть стариной. Сел вечером и за пару часов написал вполне приличное эссе о вреде курения. В финал конкурса он так и не вошёл, но один знакомый Игоря, прочитав эссе, посоветовал опубликовать его в газете «ЗОЖ». Игорь счёл совет дельным. Но, к сожалению, редактор в «ЗОЖе» оказался очень несговорчивым. Он объяснил, что у него в ящике стола пылится восемьдесят семь эссе о вреде курения, а помещать в каждом номере он может не более одного. При условии выхода газеты раз в месяц, до Игоря очередь дойдёт лет через семь, и его эссе будет опубликовано в апрельском номере 2010 года. Разумеется, так долго дожидаться своего литературного дебюта Игорь не мог. Он хлопнул дверью редакции и в «ЗОЖе» больше не появлялся.

Ко второму курсу Игорь окончательно решил для себя, что писать необходимо, но писать нужно не подражания Куперу, не глупые стишки и не дурацкие эссе, а романы на злобу дня. А для этого необходимо располагать большим количеством жизненного материала. Решив написать роман о беспризорниках, Игорь отправился за материалом на рынок. Там он живо разыскал чумазого мальчугана в дражной болоньевой куртке, подрабатывавшего грузчиком у хачиков. К предложению высокого прилично одетого парня подзаправиться в ближайшей забегаловке мальчишка отнёс-

ся с опаской. Жизнь приучила его не больно-то доверять всяким «благодетелям». Однако жрать хотелось, и он решил рискнуть.

В кафешке было жарко, Игорь расстегнул пальто. А мальчишке и расстёгивать ничего не нужно было – ни замка, ни пуговиц на его куртке не наблюдалось.

Отоварившись чебуреками, сосисками, салатом и чаем, Игорь начал обрабатывать беспризорника. Но тот, хотя и сметал угощение, словно голодал целый год, особого желания откровенничать не высказывал и на вопросы отвечал угрюмо и односложно. Вытянуть из него удалось не много. Звали мальчишку Артёмкой и было ему двенадцать лет, хотя на вид Игорь больше десяти бы не дал. И никакой Артёмка не беспризорник, потому что и дом у него есть, и родители живы. Чем отец занимается? А чёрт его знает! Он уже три года как дома не появляется. Оно и к лучшему, а то бил сильно. Как напьётся – а трезвым он и не бывал – так на всех кидаться начинает. Мать за волосы таскает, сестру колотит, а Артёмку все сапогом в живот пинал. Что, больно ли было? Да не столько больно, сколько обидно. Сторож в саду поильней дерётся. Артёмка сплюнул в тарелку из под салата и сжал сосиску в кулаке.

– Когда вырасту, найду отца и морду ему набью.

«Жёстко, – подумал Игорь. – Вот оно – трудное детство».

На вопрос о школе Артёмка замялся. Ну да, два класса он окончил. Читает неплохо, писать и считать тоже умеет.

Какая книжка любимая? А он всего одну прочитал, про пацанов, которые всем помогали. Главный там был, Тимурка, что ли. Вот дураки-то – забесплатно работать! То ли дело Артёмка! Ему чёрные по полтиннику в день отваливают, да ещё, пока никто не видит, можно персиков и винограда нажраться. Если поймают, измордуют, конечно, но такое редко случается. А в целом живётся неплохо, на судьбу Артёмка не жалуется. А чего жаловаться-то? Сам себе хозяин, не то что иные. Где живёт? Ясно где – у матери. Кем мать работает? Раньше на рынке куриными окорочками торговала, а теперь вообще не работает – пьёт. На что живёт тогда? Сестра кормит. Она большая уже, зарабатывает неплохо. Где сестра работает? Всяко бывает... А ему плевать, где сестра деньги берет, он сам себя прокормит.

Артёмка пригладил слюнями волосы на макушке. Что, курит ли? Само собой, пять лет уже, и пьёт, если есть на что, и клей нюхал. Ворует ли? Нет, конечно! Ах, фрукты у чёрных! Так это разве воровство? Что плохо лежит – грех не взять.

Чебуреки и сосиски закончились. Артёмка вытер жирные пальцы о штаны и засуетился.

– Ну, я пойду, что ли?

Игорь вздохнул.

– Иди.

Да, история примитивная, банальная до невозможности. Роман из неё не состряпаешь.

По дороге домой Игорь зашёл в магазин за кефиром. Сунул руку в карман – бумажника не было. Неужто потерял? Вот досада-то! Вскоре выяснилось, что пропал и мобильник. Похоже, Артёмка специализировался не на одних фруктах...

Больше за материалом на рынок Игорь не ходил, и роман о беспризорниках продвигался черепашьими темпами.

* * *

Каждый мужчина хочет быть сильным, а уж мальчишки, так те мускулатуру вообще ставят чуть ли не превыше всего на свете. Конечно, тем, кого природа при рождении одарила исполинским ростом и богатырскими плечами, жаловаться не на что. А вот остальным, к которым создатель не был столь благосклонен, приходится туговато. К их числу относился и Игорь.

Герои любимых романов Игоря были людьми сильными и физически, и духовно. Восхищаясь их подвигами, он и себя видел таким же. Однако мир реальный от книжного существенно отличается. Когда Игорь разглядывал себя в зеркале, его охватывало уныние. Ростом он, правда, был не низенький, но ужасно тощий. Ребра выпирали во все стороны, лопатки отходили от спины, а руки были без малейших намёков на какие-либо бицепсы или трицепсы. В детстве родные часто говорили про него «ручки – спички, ножки – палочки». В добавок ко всему Игорь и мужеством особым не от-

личался. Когда в школе доходило до драки, он всякий раз бывал битым. Причём нередко случалось так, что его обидчики оказывались даже слабее, чем он, просто малость позадиристее. Явление, в принципе, нормальное. Биологи уже давно доказали, что у животных в стае лидерство захватывает не самая сильная особь, а самая агрессивная. Впрочем, в старших классах Игоря уже никто не трогал. Отношение к нему было снисходительное. За ним как-никак закрепились репутация «самого умного», да и доказать физическое превосходство над Улиткой считалось не особо большой честью.

Кто бы знал, как тяжело Игорь переживает своё физическое несовершенство. Самому-то себе он казался совсем другим.

В университете Игорь решил, что оставаться хлюпиком и дальше просто невозможно, пора приниматься за развитие мускулатуры. Припомнились, видимо, слова Вовки Кочкина: «Качаться тебе надо Улитка, качаться». К тому же филфakovский женский коллектив действовал угнетающе. Игорь чувствовал себя в нём белой вороной. Душа затосковала по мужскому взаимопониманию. Так он оказался в качаловке.

Первая же тренировка началась с неприятности. Тренер, заглянув в зал и увидев Игоря, крикнул: «А этот дистрофик чё тут делает? Ты кто такой?» Игорь лишь глазами захолопал. И хотя ребята вступились, разьяснили, что это новенький

пришёл, всё равно обидно было до слёз. Про себя Игорь подумал: «Ладно, мы ещё посмотрим, кто из нас дистрофик». Позже он понял, что Петрович человек не злой, просто большой весельчак и шутник, но все равно первая встреча крепко въелась в память, и отношения с тренером у него оставались прохладными.

Как это случается со многими новичками, поначалу Игорь чуть было не перестарался. Он считал, что чем чаще и больше будет заниматься, тем быстрее станет похожим на дядю Шварца. С большим трудом Петровичу удалось втолковать ему, что путь к силе не в частоте, а в качестве.

И путь этот оказался нелёгким. Сперва Игорь занимался с одним грифом. Он думал, что все смеются над ним. В самом деле, что за издевательство – вместо штанги какая-то железная палка! Можно подумать, он инвалид или девчонка! На самом же деле никто и не думал смеяться, потому что все сами когда-то прошли этот этап.

С нетерпением Игорь ожидал результата тренировок. Ему казалось, что ещё немного, и его мышцы раздуются и будут, как мячики, выпирать из-под рубашки. Чуть ли не каждый день он взвешивался, разглядывал себя в зеркало, измерял объем груди, рук и ног. Но чудесного превращения не происходило. Через месяц пыл Игоря поугас. Он уже не мечтал о моментальном эффекте и на тренировки ходил просто по привычке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.